

УДК 944.04.1

Блуменау С.Ф., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА XVIII ВЕКА В БОРЬБЕ С САМОУПРАВСТВОМ ТОЛПЫ

Во Франции Старого порядка недород хлеба и возникавшие на этой почве голодные бунты были частым явлением. В мифологизированном сознании масс существовала мысль о «пакте голода» - стремлении власть имущих уморить народ. Орудием этого «заговора» считались социальные группы, связанные с хлебными операциями: крупные фермеры, богатые торговцы, мельники, булочники. Развернувшиеся летом 1789г. революционные события знаменовали собой начало обрушения прежней власти и создавали у населения ощущение вседозволенности. Отсюда - самостийные расправы полуголодных толп над своими реальными, а чаще воображаемыми врагами. На первых порах еще политическая слабая революционная элита не решалась на серьезные меры противодействия народным бунтам и сопровождавшим их бессудным расправам. Но осенью 1789г. позиции Учредительного собрания окрепли, и к тому же оно опиралось на местные власти и национальную гвардию. Убийство толпой булочника Франсуа стало катализатором принятия декрета о военном положении. Данный закон, а еще больше разрешение продовольственного кризиса привели к установлению относительного общественного спокойствия, что облегчило законодателям проведение глубоких преобразований в различных сферах жизни общества и государства.

Ключевые слова: «голодный пакт», бесчинства толпы, убийство булочника Франсуа, Учредительное собрание, закон о военном положении, муниципалитеты, национальная гвардия, общественное спокойствие.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-32-39

Революционные события июля 1789г. породили у множества французов ощущение того, что произошло «обрушение всех сил общественного порядка» [16, р. 9]. Это поощряло толпы к бессудным расправам, творимым в соответствии с жестокими нравами эпохи [4, с. 232-233; 6, с.18-19]. Их жертвами стали не только защитники Бастилии и отдельные ненавистные сановники Старого режима, но и те, кого называли скупщиками: богатые торговцы, крупные фермеры, мельники, булочники. Стремление придержать продукты, чтобы позднее нажиться на спекуляциях, в мифологизированном сознании масс воспринималось как «голодный пакт» с целью уморить людей, оставив их без хлеба. Линчевания, осуществлявшиеся «сборщиками», вызывали естественное возмущение подавляющего большинства депутатского корпуса. Но обрушить на бесчинствующие толпы репрессии законодатели не хотели, да и не могли. Поначалу их позиции в стране были относительно слабыми, и они отчаянно нуждались в широкой народной поддержке для противостояния адептам прежнего государственного устройства. Поэтому предложение умеренных «монархистов» решительно противодействовать эксцессам было в

июле 1789г. выхолощено и заменено формальной декларацией, сводившейся к простому порицанию бесчинств [2, с. 28].

Но к октябрю ситуация изменилась. Ассамблея во многом преуспела: она ввела гражданское равенство и политические свободы, уничтожила вопиющие пережитки феодализма, упразднила церковную десятину. Была принята судьбоносная «Декларация прав человека и гражданина», разрабатывался конституционный акт, ограничивались властные функции венценосца. Марш парижан на Версаль 5-6 октября вынудил Людовика санкционировать важнейшие решения Собрания, что еще больше увеличило политический вес последнего. Но нападение столичных санкюлотов на дворец, убийство двух его защитников - лейб-гвардейцев, глумление над их трупами, угрозы Марии-Антуанетте, фактически насильственное водворение монаршей семьи в Париж [3, с.35-36] шокировали и одновременно озадачили депутатов.

Все это никак не соответствовало принципам просвещенной революционной элиты: подчинению граждан Закону, обеспечению неприкосновенности личности и безопасности собственности. Ассамблея немедленно вотивала декрет о переносе своих заседаний в

столицу, срочно занявшись подысканием соответствующего здания. Одновременно она поручила наиболее влиятельному из своих комитетов – Конституционному подготовить декрет о военном положении, который содержал бы правовую базу для борьбы с незаконными собраниями. Схожее задание было дано и графу Мирабо, проявившему в первые месяцы работы Собрания необычайную политическую проницательность и выдающийся дар убеждать людей, в том числе, и за пределами законодательного корпуса.

14 октября он отчитался о проделанной работе, признав, что отталкивался от действовавшего английского закона. Но в отличие от британцев граф передавал право распоряжения военной силой для подавления нелегитимных собраний только членам избранных народом муниципалитетов. Толпе дозволялось при посредстве своих уполномоченных выработать требования и жалобы и передать их по назначению. Подчеркивалось также, что выступления недовольных не могут быть подавлены слишком поспешно и слишком сурово. В третьей статье декрета предусматривалось участие 12 деятелей муниципалитета в переговорах с толпой. Такое солидное представительство, на наш взгляд, способствовало большей демократичности происходившего и увеличивало шансы на его мирный исход. В других статьях проекта значительное внимание уделялось ответственности зачинщиков и участников волнений. Мера наказания зависела от количества манифестантов, от их готовности разойтись по требованию муниципальных властей и особенно от того, были ли они вооружены или нет. Предложения графа встретили аплодисментами и решили их напечатать [11, р. 442-443].

На следующий день, 15 октября, уже член Конституционного комитета Тарже докладывал Собранию проект закона о военном положении в версии этой структуры. Он отличался лаконичностью и касался почти исключительно процедуры объявления военного положения и репрессий против демонстрантов. И только в последней, 9 статье декрета очередь дошла до права собравшихся недовольных выдвинуть свои требования. В краткой преамбуле противопоставлялась распущенность, присущая участникам собраний, свободе, заключающейся в послушании

закону. Распущенность толпы, по словам Тарже, сделала невозможным обеспечение общественного порядка обычными средствами. Отсюда - необходимость использования силовых методов [11, р.452]. Сравнение двух проектов свидетельствовало о большей терпимости Мирабо к манифестантам.

После доклада Тарже о готовящемся законе высказался Петион, обратившийся к плану Мирабо, который успел изучить. Он напомнил, что изначально закон против собраний предназначался только для Парижа и его окрестностей, а не для большей части страны, к чему склонялся граф. Выступавший отмечал, что «крайности» - понятие неясное и растяжимое, которое не следует приравнивать к насилию и настаивать в этой связи на смертном приговоре, как и за помехи, чинимые представителям муниципальной власти и их помощникам. Он решительно отвергал сравнительно умеренные предложения Мирабо, называл их «бесчеловечными», просил отсрочить дискуссию, советовал новое углубленное рассмотрение вопроса [11, р. 452-453]. То не был призыв к «менее суровому закону», как посчитал современный исследователь Э. Левверс [15, р.139], а маневр с целью положить декрет в «долгий ящик».

Впрочем, репрессивного закона против широких «низов» не желали не только радикально настроенные политики, но в тот момент и такие уважаемые представители либерального большинства Ассамблеи, как герцог Ларошфуко. Последний согласился с отсрочкой дискуссии по закону о военном положении и даже потребовал немедленно записать в Конституцию статью о праве народа на собрания [11, с 453].

Таким образом, депутаты еще с прохладцей относились к мерам против нелегитимных обществ; многие не хотели ссориться с влиятельными в Париже активистами из санкюлотской среды, тем более, что законодателям предстояло срочно перебираться в столицу. Еще 6 октября Ассамблея декретировала, что «король и Национальное собрание неразделимы» [7, с. 429]. 9 октября из Версаля в Париж прибыли 6 комиссаров депутатского корпуса, которые через несколько дней доложили, что единственное удобное помещение для заседаний - зал Манежа Тюильри. Но пока его готовили для

законодателей и публики парламентариям пришлось разместиться в Архиепископстве, где они дебатировали с 19 октября по 7 ноября [12, р. 21] и где развернулись решающие споры, связанные с трагическими событиями 21 октября, резко ускорившими принятие закона о военном положении.

Все это было вызвано очередным обострением продовольственного кризиса. Не сбылись иллюзорные надежды парижан и парижанок, ликовавших по поводу того, что везут с собой из Версаля «булочника(короля), булочницу(королеву) и маленького пекаренка(дофина)». Чуда не произошло. Хлеба в столице по-прежнему не хватало. Это вылилось в возмущение толпы, которая всегда находила «крайнего».

Трагедия случилась 21 октября. О ней законодательный корпус известила депутация Парижской Коммуны. Все произошло утром. Перед муниципалитетом предстала толпа, приведшая булочника Дени Франсуа, обвиненного ею в сокрытии хлеба. Булочники - люди, непосредственно вступавшие в контакт с покупательской массой, а потому чаще всего становившиеся «козлами отпущения» [14, р. 14]. Муниципальные власти отнеслись к ситуации взвешенно: они учинили допрос торговцу, выслушали соседей - почтенных буржуа, хорошо отзывавшихся о нем. Но голодную разъяренную толпу невозможно было успокоить. Она отбила лавочника у национальных гвардейцев и повесила Франсуа на фонаре на Гревской площади. Докладывая о происшествии, депутация просила законодателей обеспечить снабжение Парижа и страны в целом хлебом и принять закон о военном положении, ибо без него коммуна и национальные гвардейцы не могут сдержать выступлений, которые становятся все более угрожающими [11, р. 472].

Ассамблее пришлось действовать в ускоренном режиме. Политически относившийся к ее правому флангу Фуко настаивал на издании постановления, «приказывавшего дистриктам и национальным гвардейцам применить все средства и силы, чтобы схватить виновников» указанного преступления, одновременно издать декрет о военном положении и в тот же день передать его королю для одобрения. Со своей стороны, один из лидеров левого крыла либерального большинства

парламента Барнав безапелляционно заявил, что парижский кризис не вызван голодом. Он прозрачно намекал на «маневры» и происки каких – то кругов, которые и являлись, по его мысли, подлинной причиной волнений. Но в необходимости введения закона о военном положении, причем на территории всей страны, а не одного столичного региона, выступавший нисколько не сомлевался [11, р. 472].

Ассамблея оперативно выработала постановление, в котором на первом месте стояло принятие декрета о военном положении и одобрение его монархом. Произшедшие события и давление Коммуны резко ослабили сопротивление такому решению. Одновременно Собрание добавило к нему другие меры, важные для установления общественного спокойствия. По предложению Барнава, Комитет расследований законодательного корпуса [5, с. 73-74] совместно с полицейским комитетом муниципалитета обязывались собрать информацию о виновниках и зачинщиках произошедшего. Судить последних должен был специально создаваемый Трибунал, в ведение которого подпали так называемые преступления против Нации. Поскольку он еще отсутствовал, подобные дела на время передавались суду Шатле. Показательно, что последний пятый пункт постановления, вопреки мнению Барнава, признавал значимость разрешения продовольственного кризиса и возлагал на министров обязанность испросить у Ассамблеи недостающие им для этого средства и ресурсы. Парламент подчеркивал, что законы о снабжении королевства и особенно столицы должны действовать. В противном случае ответственность за их невыполнение ляжет на министров и других агентов исполнительной власти [11, р. 472].

После принятия постановления работа Собрания во второй раз оказалась прерванной приходом представителей Парижской Коммуны, просивших депутатов поторопиться с редактированием закона. Они оставили законодателям материалы совещания муниципалитета, в которых «умоляли» (sic!) Ассамблею немедленно вотировать закон против сборищ [11, р. 473]. Председатель Учредительного собрания Фрето обещал не закрывать заседания, не приняв соответствующего декрета.

После ухода депутации развернулась содержательная, но не продолжительная дискуссия. В ее ходе выступавшие фактически отталкивались от тем и решений, обнародованных в вышеупомянутом постановлении. В речах парламентариев прослеживались две магистральные линии. Одни ораторы ставили во главу угла продовольственный кризис и поиски срочного выхода из него; другие - рассуждали о заговорах и необходимости их разоблачения и осуждения посредством специально созданного или временного Трибунала.

В дискурсе о роли снабжения хлебом для прекращения сборищ и волнений тон задавал трибун революции. В выступлении Мирабо сострадание к голодным сочеталось с политической гибкостью, а расчет - со смелостью. Неожиданно для автора проекта декрета о военном положении он дал понять, что ни этот документ, ни создание Трибунала не успокоят страсти. Ведь на людей, страдающих от голода, обрушится еще и жестокий закон. «Какой монстр ответит ему(народу- С. Б.) ружейными залпами?» Не ставя под сомнение искренность чувств Мирабо, укажем также на его стремление укрепить свой авторитет и влияние в широких кругах жителей столицы. Первостепенным же средством против растущего недовольства являлось преодоление продовольственного кризиса. Выход из него предлагался графом, правда, банальный, уже прописанный в постановлении Собрании и едва ли эффективный: пусть министры сообщат, чего им не хватает для обеспечения продовольствием Парижа, предоставим им требуемые ресурсы, но с этого момента сделаем их ответственными [11, p.475].

Под видом незамысловатого решения оратор хотел «провернуть» свои честолюбивые планы, о которых наиболее удачно написал его биограф Р. де Кастр [8, с.282-297]. В своей речи Мирабо проговорился: «Исполнительная власть предвидела свое уничтожение» [11, p.475]. Спекулируя на консервативных позициях и непопулярности королевских министров, он сам собирался занять министерское кресло. Но, во-первых, принцип разделения властей понимался парламентариями как их полное обособление друг от друга, а, во-вторых, они боялись, что, став министром, граф обретет всеисилие. Отсюда - принятие Ассамблеей убийственной для

хитроумного политика формулы: «Ни один депутат не может состоять в правительстве во время нынешней сессии» [11, p.715-718].

«Снятие» продовольственного вопроса как ключ к разрешению проблемы толп и их бесчинств - эта линия проходила и в ряде других выступлений. Так, Ла Галисоньер предложил вызвать министров и потребовать от них чинить помехи скупке продовольствия, ее экспорту и, наоборот, способствовать внутренней циркуляции. Схожим оказалось и выступление Мильсана: «Призовите министров, чтобы они отчитались в том, что сделано для предотвращения голода в столице». Тема продовольствия и его роли для общественного спокойствия звучала в дискуссии весьма часто [11, p. 474-475].

Но в дискурсе радикалов и «крайне левой» преобладала другая тема. Отсутствие общественного мира и бунты «сборищ» связывались не с продовольственными трудностями, а с заговорами против революции. Речь шла об их разоблачении и наказании виновных с помощью особого суда, который вел бы соответствующие дела. В таком духе высказался Рикер: «Закон о военном положении недостаточен, могущественные люди найдут способ его избежать. Ловите момент, чтобы создать трибунал, который судил бы преступления против Нации». Другой радикал - Глезен заострил внимание на необходимости взаимодействия полицейского комитета парижского муниципалитета с Комитетом расследований Учредительного собрания для выявления участников подобных заговоров. «Крайне левый» Бюзо смещал акцент с закона о военном положении, направленного против бесчинств низов, на создание Трибунала, который карал бы пресловутых врагов граждан [11, p.474].

Робеспьер остановился на проблеме подробней. Уже в начале политической карьеры он пытался сыграть роль ментора и даже пророка. По его словам, тот, кто следил за ходом революции, предвидел и нехватку продовольствия, и то, что законодатели станут принимать меры, которые погубят и их, и свободу. Он защищал «несчастный народ», который хочет хлеба, а против него направляют солдат.

В чем же причина создавшейся критической ситуации? Робеспьер связывал ее с заговорами. Как с ними бороться? Во-первых,

активизировать работу по их разоблачению, задействовав Комитет по докладам и Комитет по расследованию Учредительного собрания. Во-вторых, необходим Трибунал для наказания закулисных манипуляторов, преступников, занятых маневрами против революции. Робеспьер горячо настаивал, чтобы этот орган происходил непосредственно из Ассамблеи. Оратор понимал, что такой подход противоречил конституционному принципу разделения властей и, предвидя возражения, подготовил контраргумент: поскольку речь шла о преступлениях против Нации, то и карать их должны либо сама Нация, либо ее представители, то есть депутаты. Тогда удастся «раскрыть заговор, задушить заговор» [11, р. 474- 475].

Главным образом радикально настроенные депутаты пытались переключить внимание с толп и сборищ на неких заговорщиков, в происках которых следовало разобраться и подвергнуть этих лиц суду Трибунала. Особую сплоченность среди радикалов проявляли «крайне левые». Костяк последних составляли четыре адвоката: Робеспьер, Петион, Бюзю и Приер, взаимодействовавшие в рамках Собрания и Бретонского клуба [15, р.135]. Эти молодые политики решительно отстаивали принцип народного суверенитета, апеллировали к народу, с состраданием говорили о материальных трудностях низов. Они выгораживали участников насильственных действий. Самосуды и бесчинства оправдывались, с одной стороны, вековым угнетением и полуголодным существованием масс, с другой, - безупречным поведением их жертв. Одновременно «крайне левые» опирались на широкие народные слои в стремлении углубить революцию, а также постепенно потеснить в конкурентной борьбе новую либеральную элиту, овладевшую политическими высотами.

Самую последовательную позицию среди них занимал М. Робеспьер. В Ассамблее он избрал для себя неформальную роль цензора, «проверяя» коллег- депутатов на верность «священным принципам»- народному суверенитету и равенству. Участников волнений, нередко заканчивавшихся самосудами и линчеванием, законодатель защищал, а беспорядки относил на счет «заговорщиков». При этом его разоблачения вызывали

больше доверия, поскольку он имел репутацию «неподкупного» [13, р.221,225].

Обсуждение закона, пусть и острое, завершилось довольно быстро. Укрепление революционного порядка и необходимость широких преобразований властно требовали общественного спокойствия. Был срочно принят декрет о военном положении.

В его основу положили проект Конституционного комитета. Оттуда взяли даже преамбулу, противопоставлявшую распущенность бунтующих толп свободе, заключенной в повиновении законам. Это сопровождалось мыслью о том, что в кризисные времена для поддержания общественного спокойствия необходимы экстраординарные меры. В самом декрете подписывалась процедура введения военного положения с вывешиванием красного знамени из окна ратуши, на улицах и перекрестках. С восстановлением порядка красное знамя заменялось в течение 8 дней на белое. В окончательном тексте несколько смягчались репрессии против рядовых участников волнений, даже вооруженных [11, р. 475-476]. Накаленность ситуации в столице и давление ее муниципалитета диктовали законодателям небывалую оперативность. Председатель Собрания в тот же день отправился к королю, и Людовик немедленно утвердил декрет, ставший законом, о чем Фрето сообщил депутатам утром 22 октября.

С этим решением был увязан вопрос о Трибунале, в компетенцию которого входил разбор дел, связанных с нарушениями общественного спокойствия. Поправки социального порядка, совершенные зачинщиками и участниками сборищ, являлись одним из элементов преступлений против Нации, которые подлежали рассмотрению особой новой судебной структурой. В отсутствии таковой подобные криминогенные акты предлагалось разбирать в суде Шатле. Соответствующий декрет приняли и также немедленно передали на подпись монарху.

Волнения, будоражившие страну и тревожившие Учредительное собрание, вовсе не были особенностью одной только столицы. Бунты из-за нехватки хлеба происходили и в других городах. Представитель Комитета докладов Дефермон привлек внимание депутатов к событиям в Руане с целью предотвратить развитие беспорядков в этом городе

мануфактур и богатой торговли, к тому же лежавшем на пути снабжения Парижа продовольствием. Того же 21 октября законодатели проголосовали за декрет, организовывавший общественный порядок в Руане, а также поручавший Комитету расследований Ассамблеи собрать материалы об инициаторах и активистах противоправных деяний. И данный документ был передан королю для одобрения и превращения в закон [11, р. 476].

Закон о военном положении и связанные с ним мероприятия повлияли на ситуацию с поведением недовольных толп. Разбирательство убийства Д. Франсуа оказалось быстрым, взвешенным и эффективным. Проверив показания, судейские освободили невиновных женщину и мужчину, против которого свидетельствовал только один человек, находившийся с ним во враждебных отношениях. 9 лет высылки из столицы и штраф присудили золотильщику Ш. Адвенелю, обвиненному в том, что отрезал голову уже мертвому булочнику. Последнего повесил на фонаре 36-летний носильщик Ф. Блэн, которого приговорили к смертной казни, что и было исполнено 22 октября. Та же участь постигла и поденщика М. Адриана, казненного в тот же день за призывы к прохожим восстать в Сен-Марсельском предместьи [14, р.9; 10, с.40].

Протестующих впечатлили прописанные в декрете полномочия муниципалитетов и национальной гвардии, освобожденных от ответственности за гибель при разгоне манифестаций их участников. Выступления, правда, не в столице продолжались: 5 ноября произошли голодные волнения в Марселе [8, с. 291], а 7 января 1790г. в Версале восставшие стали самостийно снижать цены на хлеб. Весной 1790 в центре страны- в провинциях Ниверне и Бурбонне и в смежных с ними районах возникли беспорядки на продовольственной почве [1, с. 194]. Участники событий захватывали дома богачей, угощались их продуктами, кого-то даже высекли. Но подобные безобразия не сопровождались смертоубийствами. Зато осмелевшие национальные гвардейцы вместе с регулярными воинскими частями и жандармами стреляли по

бунтарям и убивали их. Так показательно менялось поведение сторон столкновений

Большее значение для борьбы с самоуправством низов имели благоприятные перемены природного характера и усилия властей по закупке хлеба за границей, транспортировке его в Париж и крупные города. Широкое поступление убранного в 1789г. зерна на рынки, последующая теплая зима, а затем превосходный урожай 1790г. заметно улучшили положение дел с продовольствием. К этому должно прибавить покупку за рубежом зерна и овощей на 73 млн. ливров, тогда как годом раньше их приобрели только на 13 млн. [10, с. 90]. Стоимость хлеба упала до 3 су за фунт [7, с. 430].

Результатом, по Дж. Рюде, стала ликвидация хлебного кризиса в ноябре 1789г. «и следующие полтора года были периодом сравнительного социального спокойствия» [9, с.121]. Это облегчило задачи левого большинства Учредительного собрания и позволило осуществить глубокие революционные преобразования в различных сферах жизни общества и государства.

Но относительный общественный мир установился на указанное время в Париже и касался, в основном, продовольственного вопроса. Страна же вовсе не избежала и на этом небольшом историческом отрезке серьезных потрясений. В 1790-1791гг. острые конфликты происходили на церковно- религиозной почве, охватывая, прежде всего, юг и запад Франции. Часто возобновлялись крестьянские жакерии, направленные против пережитков сеньориальной системы. В 1790г. вспыхнули солдатские бунты. Да и умиротворение на хлебном фронте оказалось недолгим. Летом 1791г противоречия продовольственного плана вновь стали обостряться, стимулируемые бумажными деньгами и инфляцией. а позднее начавшейся войной. Движение «низов», достигшее уже определенного уровня самоорганизации, будет все жестче и сильнее оказывать давление на политику новых властей, на весь ход революционного процесса.

Список литературы

- 1.Адо А.В.Крестьяне и Великая французская революция. М.,1987.
- 2.Блуменау С. Ф. Бесчинства толпы летом 1789года в восприятии депутатов

Учредительного собрания Франции // Вестник Брянского государственного университета. 2020. №3 (45).

3.Блуменау С Ф. Марш парижан на Версаль осенью 1789г.: голодный бунт или политическая акция? // Вестник Брянского государственного университета. 2022. №2 (52).

4.Блуменау С.Ф. Насилие в переломную эпоху: Французская революция и террор // История: перекрестки и переломы. Материалы Международной научной конференции. Волгоград, 14- 15 мая 2007 г. Волгоград, 2007.

5. Генифе П. Политика революционного террора: М., 2003.

6.Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М.,2002.

7.Жорес Ж.Социалистическая история Французской революции.Т.1. Кн. 1.М.,1977.

8.Кастр Р. де. Мирабо. М., 2008.

9.Рюде Дж. Народные низы в истории: 1730-1848. М., 1984.

10.Тарле Е.В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции // Тарле Е. В. Сочинения Т.2. М. 1957.

11. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série. T. IX. P.,1977.

12. Brasart P. Paroles de la Révolution : Les Assemblées parlementaires: 1789- 1794. P., 1988.

13. Gueniffey P. Histoires de la Révolution et de l' Empire. P., 2011.

14. Hayakava R. L' assassinat du boulanger Denis François le 21 octobre 1789 // Annales historiques de la Révolution française. 2003. №3(333).

15.Leuwers H. Robespierre. P., 2014.

16.Tackett T. La Grande Peur et le complot aristocratique sous la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française. 2004. N.1(335).

THE CONSTITUENT ASSEMBLY OF THE FRENCH REVOLUTION OF THE LATE 18TH CENTURY IN THE FIGHT AGAINST THE MOB ARBITRARINESS

In France under the Old Regime crop failures and subsequent food riots were a frequent occurrence. In the mythologized consciousness of the masses, there was an idea of a "hunger pact" - the desire of those in power to kill the people. The social groups associated with grain operations - large farmers, wealthy merchants, millers, bakers - were considered the instrument of this "conspiracy". The revolutionary events unfolding in the summer of 1789 marked the beginning of the collapse of the former government and created a sense of permissiveness among the population. Hence the self-styled reprisals of half-starved crowds against their real, and more often imaginary enemies. At first, the still politically weak revolutionary elite did not dare to take serious measures to counter popular riots and the extrajudicial reprisals that accompanied them. But in the autumn of 1789 the position of the Constituent Assembly was strengthened, and besides, it relied on local authorities and the National Guard. The murder of the baker Francois by the mob was the catalyst for passing a martial law decree. This law, and even more the resolution of the food crisis, led to the establishment of relative public peace, which made it easier for the legislators to carry out profound changes in various social and political spheres. **Keywords:** "hunger pact", mob outrages, murder of the baker Francois, the Constituent Assembly, martial law decree, municipalities, the National Guard, public peace.

References

1. Ado A. V. Krestyane i Velikaya Frantsuzskaya revolyutsiya. M., 1987.

2. Blumenau S. F. Beschinstva tolpy letom 1789 goda v vospriyatii deputatov Uchreditelnogo sobraniya Frantsii // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. 3 (45).

3. Blumenau S. F. Marsh parizhan na Versal osenyu 1789g. : golodnyj bunt ili politicheskaya aktsiya? // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. 2 (52).

4. Blumenau S. F. Nasilie v perelomnuyu epokhu: Frantsuzskaya revolyutsiya i terror // Istoriya: perekrestki i perelomy. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Volgograd, 14- 15 maya 2007 g. Volgograd, 2007.

5. Genife P. Politika revolyutsionnogo terrora : M., 2003.

6. Darnton R. Velikoe koshache poboische i drugie epizody iz istorii frantsuzskoj kultury. M., 2002.

7. Zhores Zh. Sotsialisticheskaya istoriya Frantsuzskoj revolyutsii. T.1. Kn. 1. M., 1977.

8. Kastr R. de. Mirabo. M., 2008.

9. Ryude Dzh. Narodnye nizy v istorii: 1730-1848. М., 1984.
10. Tarle E.V. Rabochij klass vo Frantsii v epokhu revolyutsii // Tarle E. V. Sochineniya .Т.2. М. 1957.
11. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série. T. IX. P., 1977.
12. Brasart P. Paroles de la Révolution : Les Assemblées parlementaires: 1789- 1794. P., 1988.
13. Gueniffey P. Histoires de la Révolution et de l' Empire. P., 2011.
14. Hayakava R. L' assassinat du boulanger Denis François le 21 octobre 1789 // Annales historiques de la Révolution française. 2003. №3(333).
15. Leuwers H. Robespierre. P., 2014.
16. Tackett T. La Grande Peur et le complot aristocratique sous la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française. 2004. N.1(335).

Об авторе

Блуменау Семен Федорович –доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского (Россия). E-mail: blumenausf@mail.ru

Blumenu Semen Fedorovich - Doctor of History, professor at the chair of world history and international relations, Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky (Russia). E-mail: blumenausf@mail.ru